

ЭПЛОЖО

PRO

Тема номера: **Rolling Stones**
как зеркало рок-революции

Чем дальше влез...

Катящийся Кит мхом не обрастает

Виниловый блюз

Золотые россыпи Rolling Stones

Разговорчики

Из ссылки с двойным альбомом

Вернисаж

Другая ипостась Рона Вуда

За всё в ответе

Сэр Пол заговорил

Щас спую!

Русские тексты Стоунз

Наш человек в Париже

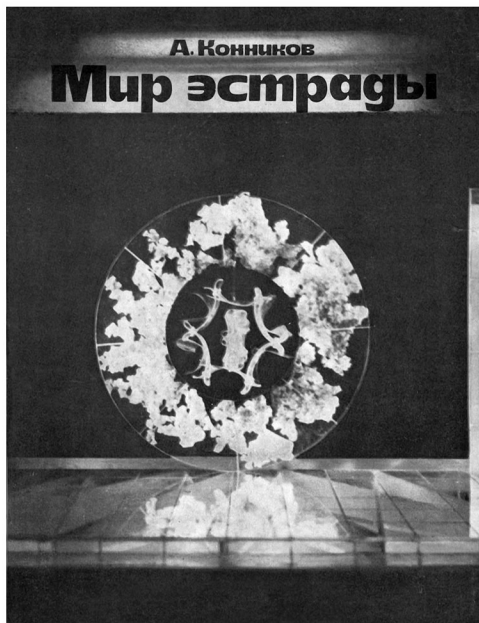
Вам наверняка приходилось слышать «воспоминания» о запрете The Beatles в СССР и чуть ли не уголовном преследовании их слушателей, якобы приравняемых к «противникам социализма». Но такого никогда не было.

Истина в том, что имело место замалчивание рок-музыки вообще и The Beatles в частности. Например, в СССР до середины 1980-х годов на пластинках было выпущено крайне малое количество их песен, абсолютно не соответствующее роли коллектива в мировой музыкальной культуре.

То же относится и к источникам информации о группе. Любители рок-музыки, чья юность пришла на 1960—70-е годы, помнят, как в поисках крупиц правды тщательно изучались все публикации — от абсолютно бредовых о «навозных жуках», «прыжках, кривляньях, невероятных выкрутасах музыкантов-акробатов Рауля Маккартнея, Георга Харрисона, Джона Ленкова и Ранчо Старра» до партийного заказа об «искусстве в лапах бизнеса». Лишь немногие печатные материалы тех лет хотя бы в общих чертах верно рассказывали об этом явлении, и уж совсем единичные имели характер исследования, выходя за рамки простого изложения истории. Общие сведения о группе можно было почерпнуть из фрагментов «Авторизованной биографии Битлз» Хантера Дэвиса (журналы «Смена», 1970, и «Ровесник», 1973), а попытка анализа творчества была предпринята в «диалогии» Леонида Переверзева (журналы «Музыкальная жизнь», 1968, и «Клуб и художественная самодеятельность», 1976). С книгами дело обстояло ещё более печально, однако в целом положительно (несмотря на обилие фактологических ошибок) можно оценить обстоятельную работу о рок-музыке журналиста-международника Олега Феофанова, вышедшую в издательстве «Детская литература» тремя изданиями: «Тигр в гитаре» (1969), «Музыка бунта» (1975) и «Рок-музыка вчера и сегодня» (1978).

При этом мало кто из наших соотечественников присутствовал на концерте The Beatles. Один из них — А. Конников¹ — оставил воспоминания о концерте 20 июня 1965 года в Париже. Причём, автор — и это абсолютно нетипично для тех лет — положительно отозвался о группе! Более того, эти заметки были опубликованы уже на следующий год после события.

Первоначально большая статья «Идолы и идолопоклонники» с воспоминаниями о концерте была опубликована в журнале «Советская эстрада и цирк» (1966, № 4). Затем автор вставил короткое упомина-

ние об этом событии в статью «Подготовная штампа» в том же издании (1972, № 9). В 1977 году, после ухода с поста главного режиссёра Московского театра эстрады, он занялся подготовкой книги мемуаров, и в конце 1970-х увидел свет фрагмент будущей книги с воспоминаниями о концерте под заголовком «Этот волшебный мир эстрады» (выходные данные издания пока установить не удалось).

Наконец, материал вошёл в его книгу «Мир эстрады» (1980). Читателю предлагается познакомиться с воспоминаниями А. Конникова в наиболее полном, книжном варианте.²

¹ Александр Павлович Конников (1920—1989) — советский театрально-эстрадный режиссёр. В свою бытность главным режиссёром Московского мюзик-холла, находясь в командировке в Париже, посетил выступление самой яркой поп-звезды мира — The Beatles. И хотя нельзя забывать об определённой политической ангажированности — пусть и вынужденной — автора, прибывшего из-за «железного занавеса», это в первую очередь отзыв честного человека (примечание С. Грибушина).

² Страницы книги «Мир эстрады» публикуются в репринтном воспроизведении.

Чрезмерность эстрады — вещь небезопасная. Если дать ей волю, если ее распустить, возникнет феномен таких коллективов, как «Битлз». Много лет прошло с тех пор, и сами битлы сошли со сцены, и новые кумиры появились у молодежи, в том числе и у нашей, а я все не могу забыть впечатления, которое произвел на меня их концерт. Летом 1965 года владелец известного парижского мюзик-холла «Олимпия» господин Бруно Кокатрикс совместно с радиостанцией Европа-1 организовал два концерта ансамбля «Битлз» в парижском Дворце спорта. Я был приглашен на один из этих концертов.

Меня предупредили, что надо приехать не позднее чем за сорок минут до начала: иначе трудно попасть в зал. Но если бы меня не проводил один из администраторов, я остался бы на улице, приехав и на час раньше. Вся кулисная часть Дворца спорта была окружена полицией и грузовыми фургонами, поставленными колесо к колесу. В соседних переулках полицейские дежурили на машинах и мотоциклах.

Внутри — полное впечатление подготовленного к осаде опорного пункта обороны: вокруг сцены — три ряда металлических барьеров, подпертых бревнами. Двести полицейских охраняли здание и зал, сто профессиональных борцов, боксеров и самбистов стояли в проходах, прикрывая подступы к сцене. Десятки корреспондентов метались между рядами заграждений. За кулисами — атмосфера тревоги и опасности. Чтобы сюда попасть, надо было пройти многократный контроль.

Мне захотелось пить, и я спросил, где буфет. Через пять минут мне принесли кока-кола в мягком пластмассовом стакане. Оказалось, ни в здании Дворца, ни в ближайших бистро в этот день ничего не продавалось в бутылках: они могли быть использованы как оружие.

Очень быстро и шумно зал наполнила молодежь в возрасте от двенадцати до двадцати лет. Все уже были возбуждены: громко перекликались, свистели, пели. Некоторые были в черных рубашках с надписью: «Я люблю битлов», другие — в шапках с портретами знаменитой четверки. Кто-то был в масках, кто-то — с лозунгами в руках.

По залу были разбросаны листовки. Зрителей призывали вступать в клуб «Друзей битлов». Другие листовки были от имени администрации. Очень настойчиво и очень вежливо она просила публику не сходить с ума, не уби-

вать билетеров, не ломать стулья и вообще не давать своим поведением повода для вмешательства властей; если же опять произойдет «что-нибудь в этом роде», администраторы больше не смогут устраивать концерты столь любимых вами артистов.

Начался концерт. В первом отделении сами битлы не появлялись — выступали их подражатели. Всего выступило пять ансамблей: «Москитос» (в переводе — комары), «Джест» (то есть шутка, клоунская реприза), «Красные бобы» (что ничего более не значит), «Полевые птицы» (время от времени они пробовали чирикать, но вообще-то это были здоровые, волосатые, отнюдь не птичьего облика, небрежно одетые парни) и «Поллукс» (эти заимствовали свое имя у популярной в Англии телевизионной собачки, отличающейся большой волосатостью, — впрочем, в этом отношении они собачку значительно превзошли).

Цели все пять ансамблей одинаково. Разница была только в костюмах и подробностях исполнения. Солист «Джест», играя на контрабасе, сумел по диагонали проскакать всю тридцатиметровую сцену на одной ноге. Зато певец «Поллукс» сбросил пиджак, сорвал галстук и выпростал из брюк лиловую рубашку. К счастью, песня на этом кончилась.

Рядом со мной сидел знакомый импресарио. Я спросил у него: «Зачем в программу включены эти явно третьесортные артисты?» «Не важно, — ответил он, — какого они уровня, важна их манера, их стиль: доходить до иступления, кривляться, кричать, рвать на себе одежду, ложиться на пол, не выпуская при этом из рук микрофона, прыгать, визжать. Акробата, фокусника, даже певца, поющего по-другому, публика просто разорвала бы в клочья. А какие-то заполнители концертного времени необходимы, потому что сами битлы больше тридцати минут работать не могут».

Мой сосед оказался прав: зал был далек от того, чтобы оценивать качество исполнения. Не успели «москиты» немного попеть, как какая-то девица, растрепав волосы и разорвав на себе одежду, с диким воплем кинулась к сцене. Это она сделала, предварительно вскочив на стул, наверное, чтобы было виднее. Ее перехватили телохранители, поволокли, как бревно, к выходу, там раскачали и, ее же собственной головой распахнув двери, выкинули вон. Дела боксерам и самбистам хватало. Очаги истерии

вспыхивали то справа, то слева, истерические всплески волнами расходились в битком набитом громадном зале. Зрители, сидевшие на галерее, начали раскачиваться в такт и топтать. Если бы туда не устремилась полиция, все сооружение могло бы рухнуть на головы сидящих внизу. Полицейские стукнули дубинками по голове двух или трех зрителей — и порядок был временно восстановлен. Громкие динамики работали на пределе, непереносимая сила звука давила на психику.

Антракт не принес разрядки: ждали «самых». Из закулисных помещений выгнали всех посторонних. Их личные телохранители, не допуская никого из рабочих сцены, вынесли на эстраду инструменты и радиоаппаратуру. Сцену запутало множество электропроводов. Сомкнулись ряды боксеров и самбистов, и из верхнего закулисного помещения спустились четверо молодых парней. От всех, кто бесновался на сцене в первом отделении, они резко отличались даже внешне: хорошо спитые темные костюмы, аккуратно причесанные длинные волосы, собранные, даже элегантные ребята.

Я хотел засечь продолжительность овации, которую устроил им зал, нажал кнопку хронометра, но вскоре понял, что это бессмысленно: овация не смолкала, пока певцы были на сцене, все тридцать пять минут. Они пели непрерывно, без пауз, а зал пел вместе с ними, отбивая ритм руками и ногами, размахивая платками и их портретами. Истерика стала всеобщей; визг, вой, истошные, как во время шаманского сеанса, крики заглушали даже чудовищно усиленные динамиками пение и игру. Уже не одиночки, а целые группы девчонок, человек по сто-двести, колотились в истерике. Метались фоторепортеры, выбирая самую эффектную истеричку. И это тоже подливало масла в огонь: истерички боролись за первенство. Многие сломя голову кидались к сцене. Их перехватывали и уже знакомым мне способом вышвыривали вон. Многие истошно рыдали. Было непонятно: что происходит?

Битлы пели ровно тридцать пять минут, потом ушли и не вернулись даже на поклон. Мне объяснили: после последней песни они падают за кулисами без сил — темп, ритм выступления, сильнейший эмоциональный заряд, с которым они делают все, выматывают их до предела. Кстати, они не кривлялись, не прыгали на одной ноге, не валялись по полу и не раздевались.

Зал после концерта напоминал поле битвы. Обломки стульев, обрывки одежды. По углам плакали навзрыд двести-триста девчонок, растерзанные, с дико разлохмаченными волосами: у них не было сил пережить «страшную трагедию» — прощание с божеством.

Газета «Франс-суар», одна из самых могущественных и многотиражных газет Франции, поместила в тот вечер три информации. На авиасалон прибыли американские космонавты. Неподалеку от аэропорта «Бурже» разбился самолет. Где-то в Африке произошел государственный переворот. Каждому из этих событий было посвящено по несколько строк на шестой, седьмой, пятнадцатой страницах, зато первая полоса вся целиком была посвящена приезду в Париж битлов. Дочь редактора этой газеты, девочка тринадцати лет, сказала отцу: «Наконец-то ты понял, о чем нужно писать в твоей газете!»

А те тридцать пять минут, что они пели, были незабываемы. Прекрасные певцы и прекрасные музыканты. Много хороших, сохранивших народный дух шотландских мелодий. Банальные, но очень человечные темы: любовь, свидание, красота родной природы, радость и слезы. Никакой пошлости и дешевки. Огромный эмоциональный напор и полная внутренняя самоотдача. Во всем чувствовались яркая индивидуальность, талант, труд. Но никому в зале до этого не было никакого дела.

С концерта их увели подземным ходом и увезли в другой отель, не тот, где они первоначально остановились. Все это держалось в строжайшем секрете, ибо все выходы и весь путь до первого отеля были окружены толпами ревущих людей, с которыми полиция уже ничего поделать не могла.

Дикий, чудовищный обряд, неуправляемая цепная психическая реакция... А может быть, наоборот, управляемая? Как сообщали в нашей печати исследователи «массовой культуры», за каких-нибудь восемь лет триста миллионов пластинок «Битлз» буквально засыпали земной шар. Как показывают опросы, семьдесят процентов юношей и девушек проводят перед проигрывателем большую часть свободного времени. Стоит ли удивляться, что ни одна книга, появившаяся за эти же восемь лет, не оказала столь сильного влияния на мироощущение молодежи, на ее моды, язык, поведение.

«Я не знаю за что, но от имени империи награждаю

вас!» — так будто бы сказала королева Англии, вручая орден четырем парням из Ливерпуля. Ее величество сомневалась напрасно: они свою награду заработали.

В советской прессе, не баловавшей читателя обилием фото The Beatles, было, однако, — по стечению обстоятельств — опубликовано фото именно с концерта в Париже 20 июня 1965 года (иллюстрация без подписи к заметке «Арсенал поп-звезд», журнал «Ровесник», 1974, № 10)!

Нельзя утверждать, что фото сделано именно на выступлении, описываемом А. Конниковым, т.к.

группа дала в этот день два концерта, но, во всяком случае, непосредственная связь имеется. Это было началом европейского тура, и особенно важным был второй концерт, съёмка которого французским телевидением транслировалась по всей континентальной западной Европе.

Сергей Грибушин, 2013

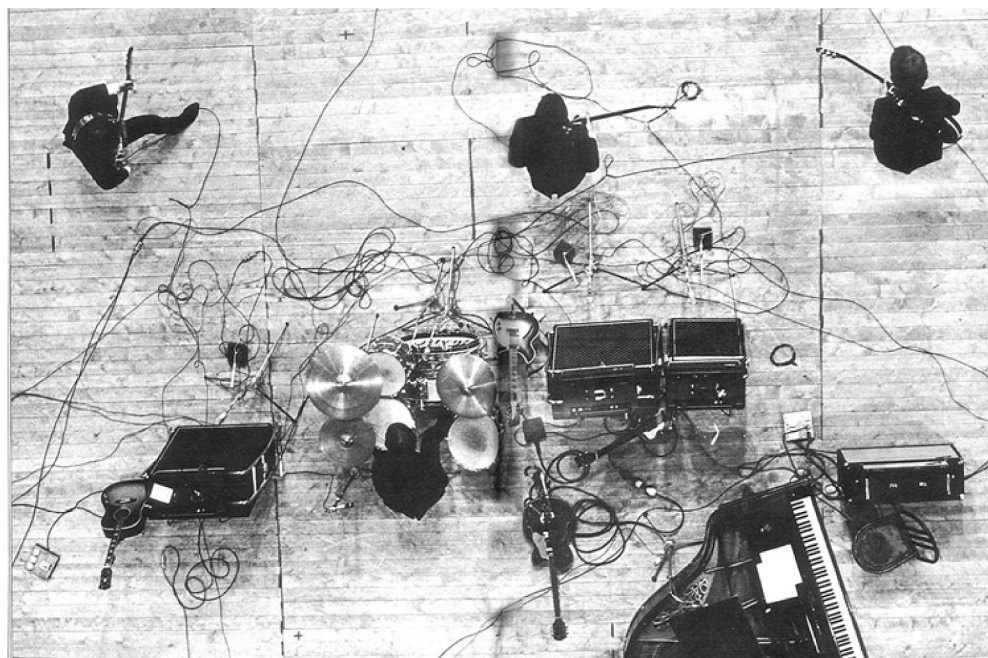

Фото из журнала «Ровесник»: концерт Битлз 20 июня 1965 года в парижском дворце спорта